

Юрий Александрович Новиков

Вильнюсский педагогический университет

**Фольклор старообрядцев стран Балтии
(истоки, динамика развития, особенности бытования)**

Благодаря экспедициям и архивным разысканиям последнего десятилетия значительно вырос массив доступных фольклорных текстов, записанных от старообрядцев Литвы, Латвии, Эстонии и сопредельных районов Витебской области Беларуси. Их общее количество приближается к статистически достоверному, что позволяет хотя бы в первом приближении решать такие актуальные научные проблемы, как сходство и различия в традиционной культуре староверов из этих стран, ее исторические корни, характер и масштаб взаимодействия с традициями соседних народов, прежде всего титульных наций. Правда, ситуация осложняется некоторыми историческими, географическими и социокультурными факторами. В Эстонии старообрядцы компактно живут на западном берегу крупного водоема — Чудского озера, почти не имеют пахотной земли и с давних пор занимаются в основном рыболовством, огородничеством и отхожими промыслами. До революции и в советские времена они поддерживали достаточно тесные контакты с носителями материнских псковских говоров. С другой стороны, даже представители старшего поколения хорошо владеют эстонским языком, за редкими исключениями по 6–10 лет учились в русских школах; в их повседневном быту немало элементов городской культуры. В Латвии и особенно в Литве картина гораздо более пестрая. Местные жители не так мобильны, поскольку основные их занятия — земледелие и животноводство. В Литве русские деревни, как правило, соседствуют с литовскими, а еще чаще население в них смешанное — литовцы, русские, поляки, белорусы; до Второй мировой войны в небольших городках проживали евреи. Среди информаторов немало неграмотных людей, многие из них не учились в русских школах, но окончили по 3–4 класса литовских или польских школ. Это создает благоприятные условия для интенсивного взаимодействия этнических культур.

Лучше всего обследован фольклор старообрядческих общин Литвы, опубликовано несколько больших по объему сборников, включающих произведения разных жанров [РФЛ 1975; ФРНП 1976, 10–81; Заветы 2005; ФСЛ 2007; 2009]. Однако массовое собирание русского фольклора началось в Литве лишь в 60-е годы прошлого века, на 30–40 лет позднее, нежели в соседних республиках. В Латвии и опытные собиратели (И.Д. Фридрих [1936; 1972], Э.В. Померанцева, Т.С. Макашина [ФРНП 1976, 82–183]), и студенты-практиканты (ДУ 2008) основное внимание уделяли песенным жанрам, в меньшей степени — сказкам. Пословицы, загадки, поверья, обряды и обычаи, произведения несказочной прозы не были объектом целенаправленных поисков. В Западном Причудье ценные материалы собраны в 1930–1969 гг., но следующая по времени экспедиция состоялась лишь в 2006 г. Наиболее интересные тексты опубликованы в сборнике “Чудное Причудье”, который вышел в двух версиях — на русском и эстонском языках (Причудье 2007; Isevärki reprints 2008). Записанных в странах Балтии фольклорных текстов вполне достаточно для сопоставительного анализа.

Видимо, нет необходимости останавливаться на типовых, общерусских элементах традиции; они составляют основу фольклорных коллекций из всех трех республик. Но в них немало и весьма архаичных текстов, редко встречающихся или уже забытых на исторической родине русских переселенцев. В Литве это — обряды покаяния земле и перепекания ребенка; сказка о девушке, которая переделалась мужчиной и успешно обошла все психологические ловушки, расставленные ее потенциальным женихом; оригинальная версия известного по древнерусской повести сюжета “Шемякин суд”; нестандартная модификация сказки о золотой рыбке, в которой в роли волшебного помощника выступает чудесная липка, а кощунственное желание старика стать Богом (или старухи — богиней) наказывается их превращением в медведей (или барана и свинью). В докучной сказке упоминаются реалии, характерные для русской действительности XV–XVII столетий: *репня* — похлебка из тертой репы; обидчик-татарин, воеводский суд: *Сидел на пню хлебал репню́, курил табак. Пришёл татарин, соннул со пню, пролил репню́, рассыпал табак. Пришли к воеводе на россуд. Воевода спрашивает: “Как было дело?” — “Сидел на пню, хлебал репню́...”*. В загадке о комаре сохранилась память о старинном календаре, который функционировал на Руси до середины XIV в. и по которому год начинался с 1 марта:

*Прилетает птушка с гаю
Третьего месяца маю,
Садится на престол,
Говорит: “С Христом!”*

В повседневном быту старообрядцев ключевую роль играет религиозное сознание. Женщины старшего поколения (а в Литве и мужчины) до сих пор помнят духовные стихи — народные песни религиозного содержания. В Западном Причудье не забыты некоторые ветхозаветные сюжеты (о всемирном потопе, “Плач Иосифа”), но преобладают произведения, связанные с евангельскими сказаниями, житиями святых, рассказывающие о подвижниках древлеправославия. Большинство этих текстов создано сравнительно недавно в старообрядческой среде монахами и начетчиками, о чем свидетельствует обилие церковнославянизмов, наличие не свойственных устной народной поэзии рифмы и силлабо-тонического стиха:

*“Сия гора, – рекла царица, –
Да будет жребием моим;
Отсель прострет моя десница
Всегда мой кров над местом сим...”*

Вместе с тем, в некоторых произведениях сохраняются древние мотивы и образы. Так, сюжет *Стиха о юном иноке Антонии* строится на архаичном представлении о том, что в разных мирах время течет с разной скоростью (ср. волшебные сказки и мифологические сказания о путешествии человека на небеса, в подводное царство, в загробный мир и др.). В погоне за чудесной птичкой Антоний отлучается из монастыря и около часа проводит в раю, а за это время на земле проходит триста лет. (Рай в тексте не упомянут, но в большинстве регионов России это произведение называется “Райская птичка”).

В отличие от Латвии и особенно Литвы, у старообрядцев Эстонии в бытовании этого жанра доминирует не устная, а рукописная традиция. Видимо, из книг позаимствован прижившийся здесь термин *духовные стихи* (обычно народные певцы называют их просто *стихами*). Во время экспедиции 2006 г. нам неоднократно показывали печатные сборники старообрядческих духовных стихов, в том числе изданные до революции. К этим источникам восходят машинописные и рукописные копии отдельных текстов, а также те, которыми несколько лет назад снабдил активистов местных моленных наставник из Даугавпилса Илья Алексеевич Жилко.

В Латвии так называемых “старших духовных стихов” зафиксировано немного, но по набору сюжетов, композиции и стилю они близки к записям из центральной и северо-восточной Литвы. В репертуаре местных певцов доминировали произведения, пронизанные старообрядческим миропониманием; наибольшей популярностью пользовались те же сюжеты, что и в соседних странах Балтии. Большую роль в

их распространении сыграл Иван Никифорович Заволоко — известный собиратель и исследователь русских древностей, издававший в довоенной Риге журнал “Родная старина”. Он подготовил к печати несколько сборников старообрядческих песнопений, которые охотно приобретали ревнители древлеправославия.

Старообрядцы Литвы вплоть до конца XX в. сохранили многие сюжеты “старших” стихов: “Сон Богородицы”, Распятие Христа”, “Расставание души с телом”, “Страшный суд”, “Про убогого и Лазаря”. Для этой группы произведений характерны сольное исполнение, народный тонический стих, отсутствие рифмы, активное использование устойчивых словесных формул, параллелизмов, развернутых повторов, детализированных описаний и других элементов поэтики, сближающих их с былинами, “старшими” историческими песнями и древнейшими балладами. Их напевы тоже во многом сходны с напевами эпических и лироэпических народных песен. Особого внимания заслуживает входившая в репертуар староверов знаменитая “Голубиная книга” — один из древнейших духовных стихов, генетически связанный со средневековым апокрифическим сказанием и отражающий народные представления о мироздании и судьбах человечества. Сюжет зафиксирован всего в одном варианте, но для второй половины XX в. сам факт устного его бытования — явление неординарное. Необычна история этого текста. Его записал уже упоминавшийся И.Н. Заволоко, причем не в Прибалтике, а в Новосибирской области, где он в 1952 г. отбывал ссылку после лагерного срока и где судьба неожиданно свела его с уроженкой Швенченского края Е.И. Ивановой. Как она попала в Сибирь, неизвестно.

Всего в Литве записано около 80 вариантов народных религиозных песен, зафиксировано 26 сюжетов. Примерно половину собранных материалов составляют сравнительно поздние по времени происхождения религиозные песни старообрядцев; многие из них являются общерусскими, некоторые были созданы местными книжочками. Часть духовных стихов испытала сильное влияние силлабического (виршевого) стихосложения, в других чувствуется ориентация на силлабо-тоническую традицию; они имеют рифму и четкий ритм (*Гора Афон, гора святая..., Ох, горе мне великое..., Всемирный потоп* и др.). Все это, в сочетании с ярко выраженной строфической структурой и рефренами, приводило к высокой стабильности вербальных текстов. Самые популярные темы таких произведений — пострижение в монастырь, всемирный потоп, размышления о греховности прожитой жизни, о смерти и Страшном суде.

Сохранению духовных стихов во многом способствовали некоторые особенности их бытования. Согласно религиозному этикету, в постные дни недели, во время постов, предшествующих важнейшим церковным

праздникам, действовал строгий запрет на *мирские* (светские) / *бесовские* песни — исполнять можно было только *божественные* по содержанию произведения (в Литве их называют также *постовыми*, *полгрезными*, *жалостными* песнями). Поскольку за год набирается около двухсот постных дней, а духовные стихи не возбранялось петь и в другое время, нетрудно себе представить, какое важное место еще не так давно занимали они в жизни набожных людей. И все же богатая некогда традиция со временем ослабевала, многие сюжеты религиозных песен постепенно забывались. Как и в большинстве регионов России, реестр дозволенных песнопений начали обновлять и дополнять за счет включения в него некоторых старинных баллад, традиционных лирических песен и даже поздних городских романсов, созвучных духовным стихам по содержанию и эмоциональному настрою (“Братья-разбойники и сестра”, “Муж жену губил”, *Поздно, поздно вечерами...*, *Завистью гонимая...* и др.). Процесс диффузии фольклорных жанров коснулся и музыкальной стороны: утраченные традиционные мелодии духовных стихов иногда заменяли напевами баллад и бытовых лирических песен.

Собиратели зафиксировали немало интересных фактов, свидетельствующих о широкой популярности духовных стихов в первой половине XX в. В межвоенные годы в деревнях нынешних Рокишкского и Купишкского районов успешно выступал Кведаришкский любительский духовный хор, организованный по инициативе Мануила Терентьева. Воспоминания участницы этого хора Е.С. Самойловой, тексты и напевы исполнявшихся стихов удалось записать музыковеду Жанне Лебедевой. На северо-востоке Литвы и сегодня еще жива память об искусстве бродячих певцов-нищих и одиноких бездомных стариков, которых по очереди содержали жители разных селений. А.Я. Голубова из дер. Юргелишкес Швенченского района хорошо помнит слепого старика, знавшего *разные-разные стихи*. <...> *Он жил этим. Такие всё жалостные, занывные*. <...> *Одним нóтом [на один напев] пел эти стихи, ноты не менялись в его*. <...> *Токо слова другие*. Е.Г. Безродный из дер. Навикай Игналинского района рассказал о столетней старушке, которую в годы его юности *возили по деревням*. <...> *Кто неделю содержит, кто две...* За приют она расплачивалась исполнением *божественных песен*. Воспоминание о бродячих певцах, исполнявших духовные стихи, зафиксировано и в Западном Причудье. Можно не сомневаться, что репертуар этих полупрофессиональных певцов оказал определенное воздействие на местную духовную культуру.

В общественной и семейной жизни староверов важную роль играли христианские праздники, особенно престольные. На них съезжались гости со всей округи. В Литве к ним были приурочены сельские ярмар-

ки (*кермаши́*), сопровождавшиеся шумными гуляниями, безудержным весельем, катанием на тройках и похищением невест, а порой и массовыми драками (*Это не кермаш, если без драки...*). Возможно, когда-то кулачные бои имели ритуальный характер, но воспоминаний об этом не удалось зафиксировать. А вот в Причудье праздничные игры соревновательного характера были явлением обыденным. Еще на памяти наших информаторов в Муствеэ на Масленицу строили снежный городок и разыгрывали его осаду и разрушение. В праздничные дни на границе между деревнями парни сходились *стенка на стенку*. Не исключено, что этот обычай связан с ритуальными кулачными боями — излюбленной забавой древних новгородцев.

Старообрядцы Эстонии шумно и весело отмечали *годовые* религиозные праздники, прежде всего престольные. На них было принято звать в гости и незнакомых людей, приехавших из соседних деревень; во многих домах для этого заранее накрывали столы. Особым хлебосольством отличались отрезанные от “материка” жители острова Пийрисаар: на *Петровки* к ним приезжали без всякого приглашения. Любимыми праздниками молодежи была *Масленица-блиноедка* с ее карнавальным разгулом и, конечно же, *старый Новый год*. В этот день позволялось шутить и проказничать; взрослые относились к проделкам парней и девушек снисходительно — сами в молодости потешались над соседями. Утром хозяева с опаской обходили свои дворы, ожидая какого-нибудь подвоха. А набор новогодних “сюрпризов” был чрезвычайно разнообразным и постоянно пополнялся. Как и в ряде северных и северо-западных губерний России, подпирали колами входные двери; забирались на крыши и затыкали соломой или ветошью печные трубы; опрокидывали изгороди и поленницы дров; утаскивали сани или ворота в другой конец деревни и т.п. Эти ритуальные бесчинства порой принимали самые неожиданные формы, требовавшие коллективных усилий. Парни уносили от домов приставные крылечка, выкатывали из подвалов бочки с соленьями, затаскивали на крыши бань небольшие лодки и накрывали ими трубы. А однажды они додумались завести в спальню мирно почивавших хозяев лошадь и привязали ее к кровати. В Литве записан лишь один подробный рассказ о рождественских проделках молодежи, но у самой границы с Беларусью. Не исключено, что здесь новогодние шутки удержались в быту под влиянием белорусского или литовского фольклора.

Цикл годовых праздников в сельских общинах по традиции начинался с *зимних святок*. Однако в Литве собственно новогодняя обрядность практически забыта. Исключение составляют ритуальные блюда, которые во многих семьях до сих пор готовят на *кутейник*. Охотнее всего

рассказывали о святочных гаданиях, в основном девичьих — о замужестве и будущей судьбе. Их набор, как и у староверов Латвии и Эстонии, обычен для общерусской традиции. Собиратели зафиксировали и более редкие способы святочной *ворожбы*. **Литва:** Рано утром выходили из дома с украденным у матери блином и отдавали его первому встречному — по его виду судили о будущем супруге. После рождественской службы в церкви, откусив один кусок от краюхи хлеба, звали суженого разговляться. Первую ложку кутьи высыпали за ворот со словами: *Суженый, ряженный, приходи пшеницы косить!* “Подчиняясь” магическому заклинанию, будущий муж являлся во сне. **Эстония:** Девушки выбегали на улицу и вручали свежее испеченную *кочору* первому встречному мужчине; пытались рассмотреть в обручальном кольце, опущенном в стакан с водой, лицо своего будущего спутника жизни; на перекрестке дорог раскручивали таракана и смотрели, куда он побежит — якобы в ту сторону гадающая выйдет замуж.

Рассказы о других комплексных по характеру праздниках отрывочны и бессистемны, хотя некоторые обычаи фиксировались собирателями неоднократно. Повсеместно зафиксирован обряд первого выгона скота в поле на *Егория вешнего* (как правило, с использованием вербы), гадание на пущенных в воду венках, собирание лекарственных трав в Иванов день, запрет есть яблоки до *яблочного Спаса*. В Латвии и Литве в *Иван-день* выполняли магические действия для предотвращения *порчи* коров, в Литве рассказывают о масленичных катаниях на санях, в которые запряжен молодой конь (“*первый раз запрягаешь, катку делаешь на jim*”); о ритуальном купанье лошадей в озерах или реках в Егорьев день; о выпечке хлеба из зерна нового урожая в Ильин день. Даугавпилским студентам удалось записать несколько календарных песен, которые можно квалифицировать как образцы местного фольклорного творчества. При исполнении одной из весенних хороводных песен юноши и девушки выбирали тех, кто будет *всю весну красную да все летечко до осени* <...> *хороводничати, коноводити*.

Оригинальные этнографические подробности зафиксированы собирателями в Причудье. Гадания с травами и колосьями ржи приурочивали к Иванову дню. У местных рыбаков есть свой комплекс профессиональных примет, поверий и ритуалов. В частности, они убеждены, что Казанская Богородица *и громовая, и опасная, и дождливая*. В этот день *в озеро выезжать нельзя — опрокинет всё равно*. В южных деревнях на *Егория вешнего* женщины замачивали *подойники в вине* (водке) и сами выпивали по рюмочке — другой. Считалось, что это благоприятно скажется на здоровье коров и удоях. В ночь на Ивана Купалу во всех деревнях жгли костры, их называли *огнища*; этот редкий народный термин за-

фиксирован и на восточном, *Русском берегу* Чудского озера [Мехнецов 2002, I, 52]. Кроме обычных горючих материалов — смоляных бочек, тележных колес, строительных отходов — обязательно зажигали старые лодки; в тихую погоду пылающие *лоды* пускали по озеру. На острове Пийрисаар это обрядовое действо прикрепило к Петрову дню, местному престольному празднику. В Ильин день (а иногда на Ивана Купалу или на Маккавея) дети старались неожиданно столкнуть друг друга с мостков в воду прямо в одежде. Родители никогда не ругали промокших ребятшек, что косвенно свидетельствует о ритуальных корнях этого обычая. Возможно, что купание в одежде символизировало “закрытие летнего сезона”: согласно поверью, широко распространенному во всех трех странах, после Ильина дня нельзя купаться в открытых водоемах, так как Бог бросает в воду холодный камень.

О многих старинных календарных традициях, хорошо известных в ряде областей России, наши информаторы вообще ничего не слышали. Рождественское колядование вытеснил обход дворов членами церковного притча, которые исполняют религиозные песнопения и получают плату за свои заслуги перед прихожанами. Не удалось обнаружить в архивах или записать от исполнителей ни одного рассказа об изготовлении и уничтожении обрядового чучела Масленицы, о красочных обрядах зазывания весны, о русальной неделе, о дне *Симеона-летопроводца* (1/14 сентября) — нового года по допетровскому календарю.

У старообрядцев стран Балтии были и свои собственные праздники и развлечения, не имеющие близких аналогов в других регионах. В Эстонии на зимние святки устраивали деревенские посиделки, которые получили название *чайные вечера*. В Калласте в довоенное время проводили фестивали пожарного общества, состоявшего исключительно из местных староверов. В довоенные годы в Муствез отмечали “День русского просвещения” с демонстрацией национальных костюмов и исполнением народных песен. В последние годы вошли в традицию конкурсы на лучшие пасхальные куличи и крашенные яички.

В Литве одной из самых колоритных особенностей старинного общественного быта были *днёвки*. В отличие от зимних вечеринок, которые устраивали в домах или в ригах, непременно с *огнём* (т. е. при искусственном освещении), *днёвки* проходили на природе, под открытым небом и только до захода солнца (вернешься домой с наступлением темноты — *отец поленом отпарит*). Парни заранее оповещали односельчан о месте очередной *зўли* и ставили условные знаки, связывая верхушки растущих рядом березок. В некоторых деревнях для *днёвок* оборудовали постоянные площадки — расчищали их от кустарника, сооружали *зыбки* (качели), сколачивали скамейки. Танцевали в основном под гар-

мошку, а когда музыкант уставал, пели *походушки* и под них водили хороводы. На *днёвки* охотно приходили родители девушек и парней, чинно рассаживались на скамейках; их детям и отдохнуть было негде — все места оказывались занятыми. Здесь проходили своеобразные смотрины невест, молодые люди знакомились друг с другом, а иногда с гулянья парни увозили приглянувшихся им девушек. Молодежь собиралась со всей округи, нередко приходили литовцы и поляки. А староверы, в свою очередь, с удовольствием веселились на литовских *гегужайнес* (маёвках, весенне-летних гуляньях). Рассказы о *днёвках* записаны в разных районах, но наиболее устойчивой эта традиция оказалась на северо-востоке Литвы.

Во многих старообрядческих общинах вплоть до 40–50-х гг. минувшего столетия удерживался в быту обычай “умыкания невест” (*свадьба вкрадку, хатун, тихоматный брак, свадьба из-за угла* — в противоположность обычной *свадьбе из-за стола*). В северо-восточной районах Литвы и прилегающих районах Витебщины он нередко получал обрядовое оформление. Здесь невест похищали не из родительского дома, как в Эстонии, а во время общественных увеселений на *кермашах* — традиционных сельских ярмарках (ср. летописные сообщения об *умыкании жон на игрищах*). Чтобы уйти от возможной погони, подбирали самых резвых коней, нередко использовали *подставы* (запасных лошадей, которые поджидали беглецов в заранее оговоренном месте). Друзья жениха старались силой задержать родственников невесты (обычно ее братьев), поскольку те не церемонились с похитителем, если его удавалось настичь. Девушек увозили только с их согласия. В Латвии *свадьба уводом* уже в начале прошлого столетия практиковалась довольно редко, а в Западном Причудье в 2006 г. даже среди пожилых женщин почти не нашлось таких, кто помнил этот обычай.

Другой пласт оригинальных фольклорных произведений отражает пребывание по меньшей мере 10–12 поколений русских переселенцев на их второй родине. В Латвии и Литве популярны песни, частушки, пословицы, народные анекдоты, связанные с межконфессиональными браками, работой по найму у местных помещиков, отходничеством (в первую очередь — с поездками на заработки в Петербург), комическими ситуациями, возникающими из-за существования языкового барьера. Однако в отличие от общерусской традиции фольклор старообрядцев стран Балтии не впечатляет глубиной и богатством исторической памяти. Здесь не зафиксирована устная былинная традиция¹, скуден репертуар исторических песен, а их сюжеты по времени сложения не старше XIX в. и усваивались, очевидно, во время службы в царской армии. В немногочисленных сказаниях, повествующих об истории русских диа-

спор, как правило, размыты границы фольклорных жанров, тексты изобилуют анахронизмами, события изображаются в мифологизированном ключе. Так, массовую миграцию староверов в Литве объясняют случившимся в России грандиозным потопом, от которого спасались вплавь, и в подолах иконы несли с собой, *образá эти. Кто образ имел, тот переплыл эту воду, а кто не имел — поутонули люди....* В единственном предании о восстании 1863 г. в Польше, Белоруссии и Литве утверждается, что *мятежники у императора телефоны все обрезали*, но у него оказался *скрытый телефон*, по которому удалось вызвать казаков и усмирить “бунтовщиков” [Морозова, Чекмонас 1998]. Жители Причудья то ли в шутку, то ли всерьез связывают особенности своего расселения тем, что черт нес эстонцев и русских по воздуху, эстонцев рассеял по лесным хуторам, а староверов сбросил на землю в одном месте, оттого и их деревни расположены кучно. В то же время в Литве не удалось найти даже глухих воспоминаний о Гудишкской и Дегучайской старообрядческих обителях, которые вплоть до их разорения (1755 и 1851 годы) были крупными культурно-религиозными центрами. Жители эстонско-Причудья, в отличие от населения *Русского берега*, ничего не помнят о знаменитом Ледовом побоище.

Третий блок произведений, во многом определяющих специфику местной фольклорной традиции, составляют заимствования у соседних народов. Здесь вырисовывается неоднозначная картина. В причудских записях почти нет текстов, генетически связанных с эстонским фольклором. К ним можно отнести лишь два предания: об огромном валуне, якобы брошенном богатырем Калевипозгом, и о другом камне с надписью на двенадцати языках, под которым хранится клад. Вероятнее всего, оба текста, оформленные в романтическом духе, восходят к печатным источникам. В Латгалии зафиксированы типичные для латышской фольклорной традиции сюжеты преданий о зачатых кладах, о затонувшей церкви, о королевнах-великаншах, перебрасывавших молот с одного холма на другой, а также архаичное поверье об огненном змее, который забирает хлеб у бедняков и приносит его богатым.

Гораздо более многочисленные и глубокие следы межкультурного взаимодействия обнаруживаются в фольклоре старообрядцев Литвы, что частично объясняется относительным обилием собранных материалов. Они проявились в заимствовании у литовцев многих произведений несказочной прозы (предания о происхождении географических названий, о Наполеоне, о былом величии ныне заштатных городков и др.), некоторых сказочных сюжетов, отсутствующих в сводном указателе “Восточнославянская сказка” [СУС 1979] или представленных в нем единичными вариантами (“Эгле, королева ужей”, “Грошик и ежик”,

“Дорога через печку на Москву” и др.). Местные исполнители усвоили от соседей ряд оригинальных мотивов и эпизодов, имен собственных. Влиянием литовской традиции можно объяснить пристрастие русских сказочников к речитативному исполнению повторяющихся стихотворных формул (песенные вставки широко распространены во многих жанрах литовского повествовательного фольклора), обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, характерными и для бытовой речи литовцев, и для языка их народной поэзии. У соседей были позаимствованы сотни пословиц, поговорок, фразеологизмов, немало загадок, произведений песенного фольклора. Польские или белорусские по происхождению паремии обычно бытуют без перевода, а литовские, как правило, переводятся.

Случаи заимствования обрядов и обрядовых песен у соседей встречаются крайне редко. В юго-западных районах Литвы со смешанным населением жнивные песни чрезвычайно близки по содержанию, исполняются на те же напевы, но определить их этническую принадлежность практически невозможно. *Толочане* (участники коллективных работ) пели по-литовски, по-польски, по-русски или по-белорусски — в зависимости от национальной принадлежности хозяина [Новиков 1994]. В Литве и Витебской области старoverы иногда участвовали в обходе дворов в день католической Пасхи, порой даже подпевали белорусам, литовцам и полякам. Однако “чужой” обряд в их сознании четко отграничивался от “своего”. На северо-востоке Литвы и в соседних районах Беларуси вплоть до начала XXI в. бытовала русская версия *волочебного* обряда, заметно отличающаяся от белорусской и примыкающая к псковским записям [Новиков 2002]. В Латгалии сохранились лишь смутные воспоминания о пасхальных обходах дворов.

Фольклорные материалы, собранные в старообрядческих общинах стран Балтии, позволяють рассматривать их как этноконфессиональный вариант общерусской традиции, как особый ее тип, в котором “письменная традиция <...> во многом определяет содержание и функционирование устной культуры” [Никитина 1993, 31]. В значительной мере это связано со своеобразным культом грамотности, старопечатной книги и рукописного слова. Многие информаторы старшего поколения, с которыми нам довелось работать, не учились в русских школах, но владеют, как они выражаются, *славянской грамотой*. Обучались ей в семьях, у грамотных родственников и соседей, у местных священников и начетчиков². В Литве вплоть до середины XX в. в деревнях существовали общественные школы, где обучали не только чтению и письму, но и церковному *знаменному* пению *по сольям* (“по крюкам” — знакам нотного безлинейного письма). Занятия проводились в избах, родители

учеников поочередно содержали учителя столько недель, сколько их детей обучалось в такой школе (ср. аналогичную общерусскую традицию по отношению к нанятым пастухам). В семьях бережно хранили и передавали по наследству *божественные* книги, в том числе и рукописные; реставрировали утраченные или истлевшие страницы, переписывая их полууставом или скорописью; нередко вручную копировали целые сборники духовных произведений.

Высокий уровень грамотности населения отразился и на фольклорной традиции, причем формы рукописного бытования произведений и причины обращения к письменному слову были самыми разнообразными. Переписывались большие по объему тексты религиозного содержания, генетически связанные со средневековой книжностью (жития святых, библейские и апокрифические сказания), а также сочинения старообрядческих авторов, в том числе и местных. С помощью рукописей распространялись сказки, восходящие к средневековым повестям (о Петре и Февронии, о Карпе Сутулове), стихотворное переложение “Жития” протоппа Аввакума, сказание о боярыне Морозовой, старообрядческие версии ряда духовных стихов. При копировании устных по происхождению фольклорных произведений предпочтение отдавалось таким жанрам, в которых важную роль играет стабильность вербального текста (легенды, духовные стихи, жизнеописания святых). Особенно широкий размах приобрело письменное бытование заговоров. К помощи рукописей иногда прибегали и для того, чтобы передать потомкам свой фольклорный репертуар. Собирательница-самоучка Е.И. Колесникова на одной из последних своих тетрадок с пословицами написала: *Для внуков*. Георгий Клычов из Рокишкского района Литвы оставил дочерям две рукописные *Памятные книжки*, которые он вел в послевоенные годы. В эту “семейную хронику”, наряду с заметками о важнейших событиях деревенской жизни, погодных аномалиях, включены народные приметы и “рецепты” магического воздействия на окружающую среду [ФСЛ 2009, II, 545–550].

По мере введения в научный оборот новых материалов все более отчетливо просматриваются внутренние закономерности развития духовной культуры старообрядцев, она обретает комплексность и системность; сохранившиеся до наших дней обряды, верования, магические действия оказываются тесно спаянными друг с другом. Разумеется, некоторые древние мотивировки забываются, но им на смену приходят вторичные объяснения; система воззрений эволюционирует, сохраняя при этом основные сущностные характеристики. Роль “несущих конструкций”, обеспечивающих долговечность и относительную стабильность традиционной культуры, играют старая вера, обычаи дедов и прадедов, старая книга, старинная *говóрка*.

В мифологии и бытовой магии староверов архаичные языческие представления нередко переплетаются с христианскими. Молитвы дополняют, а иногда и заменяют традиционные народные заклинания; религиозные символы и атрибуты (иконы, крест, святая вода, верба, пасхальное яйцо) используются в заговорной практике, аграрных и очистительных обрядах, считаются самыми надежными и универсальными оберегами. Христианские идеи и образы не только органично вписываются в общую картину мира, но и в значительной мере структурируют ее. Во многих сказаниях, циклах поверий и целых жанрах семантическая оппозиция “божеское — дьявольское”, “крестная сила — нечистая сила” становится стержневой, структурообразующей. Авторитет христианского вероучения, образы Христа, Богородицы, святых подвижников церкви активно используются и для закрепления важнейших канонов древлеправославия (рассказы о наказании за богохульство, вероотступничество, нарушения религиозного этикета), и для сохранения старинных обрядов и обычаев, пропаганды моральных постулатов, правил гигиены, здорового образа жизни (строгое соблюдение похоронно-поминальных обычаев, необходимость накрывать на ночь посуду с едой и питьем, дискредитация курения и пьянства и т.п.). Воспитанию сострадательности и милосердия способствует широко распространенное поверье, что *милостыня из дна моря тянет*, что отданные нищим вещи и продукты непременно попадут в загробный мир и дойдут до “адресата” — умершего родственника. Есть основания полагать, что характерное для старообрядцев Литвы и Латвии четкое разграничение *шептунов* (знахарей) и *волховитов* (колдунов) также предопределено религиозными воззрениями информаторов. Шептуны творят только добрые дела и опираются на помощь крестной силы; корыстолюбие, вредоносные действия колдунов обычно объясняют их связью с *бесами*. Между тем в литовском и латышском фольклоре (как и в большинстве регионов России) нет столь жесткого и последовательного разделения чародеев на добрых и злых.

В ряде случаев происходит перекодирование, переосмысление языческих понятий и образов в христианском духе. В заговорах христианские персонажи заменяют языческих или сосуществуют с ними в рамках одного текста или даже одной мини-формулы (*утренняя заря Параскавья, вечерняя заря Соломона*). В быличках и поверьях функции леших, привидений, оборотней, “ходячих покойников”, безобидных в общерусской традиции домовых все чаще переносятся на чертей. Архаичное представление о существовании параллельных миров, в которых обитают некоторые мифические персонажи, трансформируется в поверье о невидимой *бесовой стегé, чертовой дороге*. Нечаянно ступив на

нее, путник обязательно заблудится или будет “путаться под ногами” у бесов, вызывая их раздражение. Даже вещие сны народная молва склонна связывать с христианством — обычно их видят в ночь на среду и пятницу (постные дни недели).

Значительное расширение доступной базы данных дает все больше оснований говорить об относительном единстве фольклора старообрядцев стран Балтии и о его генетической связи с псковской традицией. Имеется в виду не только территория собственно Псковской области, а вся зона псковских говоров, включающая прилегающие районы Новгородчины, запад Тверской и северо-запад Смоленской областей (так называемое “Русское Поозерье” на стыке этих регионов). “Псковское наследие” доминировало в старообрядческих диаспорах, подчиняя своему мощному влиянию более слабые проявления других локальных традиций, занесенных в эти страны позднее. Это проявилось на разных уровнях — в жанровом и сюжетном составе фольклорных произведений, в особенностях поэтического языка, в диалектной лексике, в народных терминах, обозначающих те или иные явления традиционной культуры. Сопоставление с псковскими фольклорными традициями [Мехнецов 2002] свидетельствует о том, что произведения повествовательного фольклора, календарные и семейные обряды, некоторые поверья, баллады и духовные стихи, нестандартные пословицы старообрядцев Литвы тяготеют к записям из южных районов Псковщины (Себеж, Невель), в меньшей степени — из центральной ее зоны (Остров, Пушкинские Горы, Опочка, Новоржев). О возможных исторических корнях латгальской традиции судить трудно из-за недостатка материала, но в сказках, бытовых лирических песнях и заговорах доминирует все та же псковская составляющая. В песнях, календарных и семейных обрядах старообрядцев Западного Причудья встречаются переклички с текстами из северных районов Псковской области (Гдов, Струги Красные), но еще больше сходжений или близких аналогий с так называемой псковско-печорской зоной (низовья реки Великой и побережье Псковского озера). Поэтому не исключено, что часть русских первопоселенцев не переплыла с восточного берега Чудского озера на западный, как принято считать, а обошла Псковское и Чудское озера по суше с юга и юго-запада.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все сказки на былинные сюжеты, записанные от старообрядцев Литвы, восходят к книжным источникам (см. комментарии к текстам [ФСЛ 2007, 1, №№ 30–33]).

² Владимир Даль так истолковал одно из значений этого слова: “Грамотей, промышляющий по деревням обучением грамоте” [Даль 1955, II, 497].

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В., 1955: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.
- ДУ 2008 = *Русский фольклор в записях студентов Даугавпилского университета (1963–1991)*. Даугавпилс.
- Заветы 2005 = *По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы* (изд. подготовил Ю.А. Новиков). Санкт-Петербург.
- Мехнецов А.М. (сост.), 2002: *Народная традиционная культура Псковской области*. Обзор экспедиционных материалов, т. 1–2. Санкт-Петербург–Псков.
- Морозова Н., Чекмонас В., 1998: О мифологизации событий прошлого в устной традиции старообрядцев Литвы, in *Kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis*. Vilnius, 105–113.
- Никитина С.Е., 1993: *Устная народная культура и языковое сознание*. Москва.
- Новиков Ю., 1994 = Novikovas J., Lietuvos rusų senbuvių javarpjūtės dainos, *Tautosakos darbai*, III (X). Vilnius, 222–227.
- Новиков Ю.А., 2002: Пасхальный обход дворов у старообрядцев Литвы, *Slavistika Vilnensis* 2002. 81–92 (Kalbotyra 51(2)).
- Причудье 2007 = Морозова Н., Новиков Ю., 2007: *Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии*. Тарту.
- РФЛ 1975 = *Русский фольклор в Литве: Исследование и публикация Н.К. Митропольской*. Вильнюс.
- СУС 1979 = Барга Л.Г., Березовский И.П., Кабашников К.П., Новиков Н.В. (сост.), *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка*. Ленинград.
- Фридрих И.Д., 1936: *Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда*. Кн. I: Детские, хороводные, обрядовые [песни], заговоры, духовные стихи и др. Рига.
- Фридрих И.Д. (сост.), 1972: *Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор*. Рига.
- ФРНП 1976 = *Фольклор русского населения Прибалтики*. Москва.
- ФСЛ 2007; 2009 = *Фольклор старообрядцев Литвы*. Том I. Сказки. Пословицы. Загадки. Том II. Народная мифология. Поверья. Бытовая магия (Издание подготовил Юрий Новиков). Вильнюс.
- Isevärki peipsiveer 2008 = Morozova N., Novikov J., *Isevärki peipsiveer: Eesti vanausuliste folkloorist ja pärimuskultuurist*. Tartu.

JURY NOVIKOV

**On the Folklore of Old Believers in the Baltic States:
Its Origin, Development and Peculiarities**

A comparison of folklore collected from the Old Believers living in the Baltic States reveals a relationship of all traditions and their connections to the folk culture of the Pskov region. A wide repertoire of folk tales, religious songs, Christian legends, charms, series of mythological legends and the peculiarities of their everyday and religious etiquette make this relationship evident. However, the survival tales of the ancestral spiritual heritage are different. Folktales, among them tales of magic, legends about witches and “walking” dead people, cursed treasures, Easter songs, and the ritual of kidnapping brides are mostly preserved in Lithuania. Songs of the yearly cycle as well as wedding songs, certain types of charms and mythological legends are better known in Latvia. Rituals and customs related to the yearly cycle of feasts and the fishing profession are preserved best in Estonia. Historical stories are told very seldom, yet true events are depicted in a mythological way. The author argues that the influence of Lithuanian folklore rather than the influence of Latvian or Estonian folklore is stronger in the texts of Old Believers.